

А.О. ИОНОВА*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматриваются пять современных подходов к анализу политического дискурса: критический дискурс-анализ, постструктуралистский дискурс-анализ, культуральная политэкономия, культурный и дескриптивный подходы. Сравнительная характеристика осуществляется по двум критериям: трактовка понятия *дискурс* и методологическая составляющая. Особое внимание уделяется точкам пересечения подходов. В заключении суммируются преимущества и недостатки каждого из них.

Ключевые слова: дискурс; критический дискурс-анализ; постструктуралистский дискурс-анализ; культуральная политэкономия; культурный подход; дескриптивный подход.

A.O. Ionova

Contemporary approaches to the analysis of political discourse

Abstract. The article examines five modern approaches to discourse analysis: critical discourse analysis, poststructuralist discourse analysis, cultural political economy, cultural discourse studies and descriptive methods. Comparative analysis is carried out on two criteria: the definition of the notion of *discourse* and methodological frameworks. It touches upon the problem of intersection between approaches and summarizes advantages and disadvantages of each of them.

Keywords: discourse; critical discourse analysis; poststructuralist discourse analysis; cultural political economy; cultural discourse studies; descriptive methods.

---

* **Ионова Анастасия Олеговна**, аспирант департамента политической науки НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: Anastasiia33@mail.ru

Ionova Anastasia, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: Anastasiia33@mail.ru

В последнее время термин *дискурс* настолько широко употребляется в социально-гуманитарных науках, что превратился в «жужжалку» (buzzword), а само понятие «дискурс» оказалось растянуто и тривиализовано [Ильин, 2002]. Текст в широком смысле слова становится синонимом действительности, в которой существует человек, поэтому в политической науке возрастает интерес к методам, позволяющим исследовать политическое пространство в «его знаковом, информационном аспекте» [Фомин, 2015, с. 13]. В статье будут рассмотрены несколько подходов к анализу дискурса: критический дискурс-анализ (КДА), постструктуралистский дискурс-анализ (ПДА), культуральная политэкономия и культурологический и дескриптивный подходы. Стоит отметить, что все подходы довольно расплывчаты и неоднородны, например в КДА выделяются сразу несколько методологических подходов: классический дискурс-анализ Т. ван Дейка, метод КДА, направленный на анализ практической аргументации Н. Фэркло, дискурсивно-исторический подход Р. Водак и т.д. Объединяет различные варианты КДА принципиальная установка, заимствованная из критического политического анализа и антипозитивизма, которая распространяется прежде всего на прагматическую составляющую политической коммуникации. Критической оценке зачастую подвергаются установки и концептуальные основания дискурсивных систем и моделей. Совсем редко критика обращается и на сам авторский анализ дискурса с целью выявления его возможностей и ограничений. Сами сторонники КДА настаивают на универсальности своей методологии, ее способности адаптироваться в рамках других подходов [Fairclough, 2013].

Второе постструктуралистское ядро образуют яркие работы известных французских авторов, от М. Фуко и Р. Барта до Ж. Делеза и Ж. Деррида, а также их многочисленных эпигонов. Это скорее интеллектуально-публицистическая, чем строго научная традиция. Она еще более расплывчата в методологическом отношении и продолжает активно эволюционировать от метода деконструкции Ж. Деррида до адаптации идеи делиберативной демократии Ю. Хабермаса как отправной точки дискурс-анализа. Справедливо было бы сказать, что в постструктуралистской традиции некое подобие методологических образцов задается виртуозным использованием такого интеллектуального инструмента, как сама неповторимая личность исследователя.

Между отчетливо выделяемыми ядрами находятся исследования, которые тяготеют, с одной стороны, к традициям критики гегемонии и разных видов принуждения (неомарксизм, критический реализм, феминизм и т.п.), объединяющих их с КДА, а с другой – к соответствующим морально-философским идеям, более или менее близким постструктурализму и, шире, интеллектуальному либертинажу. Среди них можно выделить постмарксистскую теорию дискурса Лакло и Муфф [Laclau, Mouffe, 2001] и культуральную политэкономия¹ Б. Джессопа и Н. Сам [Jessop, 2009, p. 336–356; Sum, 2009, p. 184–203].

Сюда можно отнести и культурологический подход Ши Сю, предложенный как альтернативный метод дискурс-анализа. Фокус анализа направлен на изучение дискурса в его связи с историческими и культурными традициями. При этом автор отрицает возможность разработки универсальной методологии из-за культурных различий, накладывающих отпечаток как на сам дискурс, так и на подход к его анализу, оставляя исследователю право самостоятельно выбирать или разрабатывать методы [Shi-xu, 2014]. В статье будут рассмотрены эти претензии и критически проанализированы возможности и ограничения разрабатываемого в Китае подхода.

Любой дискурс-анализ является отчасти дескриптивным, потому дескриптивный подход представляет собой не обособленное течение в политической науке, а набор методов качественного и количественного анализа, к которому обращаются все остальные подходы. Он стремится описать и объяснить существующую реальность через различные правила и стратегии интерпретации дискурса. Хотя формально такой анализ лишен идеологической составляющей, решающую роль в нем играет личность исследователя, поэтому соотношение анализа и интерпретации зависит от поставленных задач и используемых методов [Dijk, 1985, p. 1–11].

Все подходы исходят из того, что политические, политэкономические и в целом все социальные события, процессы и изменения всегда связаны с языком (семиозисом), поэтому для их ком-

---

¹ В английском языке «culture» используется для обозначения как культуры в целом, так и культуры как совокупности знаковых систем и ценностных смыслов. В русском языке первое значение соответствует термину «культура», а второе значение отражается с помощью использования прилагательного «культуральный», т.е. знаковый, семиотический. В общественных науках существуют направления культуральной социологии, культуральной психологии [Кравченко, 2010, с. 13–22].

плексного изучения необходим «поворот» в сторону дискурса. В то же время каждое направление по-своему интерпретирует содержательную часть «поворота». Различается как определение *дискурса*, так и понимание соотношения проблемы и решения в процессе принятия политических решений. Однако все они ориентированы скорее на предмет (дискурс) и на круг коммуникантов (дискурсные сообщества), но не на методологию.

Основания версий анализа дискурсов

Постструктуралистский дискурс-анализ основывается на постструктуралистской политической теории. Современные представители этого направления значительно отходят от истоков, следуя от интуиции и самовыражения к науке, в большей степени опираются на критическую теорию Ю. Хабермаса, чем на метод деконструкции Ж. Деррида, и по ряду позиций сближаются с представителями критического дискурс-анализа.

Современная версия ПДА опирается на два утверждения Ж. Деррида: 1) все в этом мире имеет свою структуру, но при этом не все систематизировано; 2) ничто не остается неизменным, поэтому не может быть зафиксировано и его значение. На основе этих утверждений Г. Готтвейс делает вывод о том, что базовая концептуализация мира имеет важное значение для политического анализа, потому что он не может отказаться от фиксированного, заранее заданного и стабильного представления реальности (политики, экономики, общества, природы), но необходимо принять во внимание тот факт, что социальные, политические и природные феномены и их значения постоянно изменяются в разных направлениях [Gottweis, 2003, p. 247–249]. ПДА исследует деятельность социальных практик внутри дискурса.

Основным методом КДА выступает нормативная и эксплицитная критика. Нормативная критика позволяет определить, в какой степени существующая реальность совпадает с ценностями, принятыми в качестве основополагающих в обществе. Эксплицитная критика стремится объяснить существующую реальность, например показывая результаты деятельности структур, механизмов или сил, направленных на анализ существующей ситуации. КДА, с одной стороны, переносит критическую традицию из социологи-

ческого анализа в языковые исследования, с другой – способствует смещению фокуса критического социального анализа на сам дискурс и отношения между дискурсом и социальными элементами, такими как власть, идеология, институты, социальная идентичность и т.д. [Fairclough, 2013, p. 178–179].

Культуральная политэкономия и культурологический подход – сравнительно новые подходы, возникшие в последние десятилетия в процессе научных дебатов с КДА.

Культуральная политэкономия представляет собой постдисциплинарный подход, который исходит из необходимости поворота в сторону «культуры» в изучении политики и экономики. Под культурой в данном случае понимаются дискурс и его семиотические аспекты. Этот подход был разработан Б. Джессопом для анализа капиталистической общественно-экономической формации с использованием методов критического семиотического анализа и критической политэкономии [Jessop, 2004, p. 159]. Культурная политэкономия опирается на КДА, ПДА и теорию марксизма. Она, как и КДА, берет свое начало в критической науке, перенимая определение дискурса Н. Фэркло, и объединяет методы критической лингвистики, критической политэкономии и теории культурного материализма для анализа механизмов эволюции семиотических и внесемиотических элементов капиталистических общественно-экономических формаций. Однако определение *семиозиса* и его роли в структурировании общественных отношений составляет основное различие между подходами [Jessop, 2004, p. 159–161]. Для Б. Джессопа семиозис является одним из инструментов понижения сложности и структурирования, существующей наряду с действительностью, технологиями, включающими в себя различные социальные практики, опосредованные с помощью конкретных инструментов (направляющие социальное действие – классификации, регистрации, учет и т.д.) [Jessop, 2006, p. 336–356]. С точки зрения КДА структурирование социальных интеракций не является в подлинном смысле внешней по отношению к семиозису: действительность, технологии и структурирование сами носят семиотический характер. Это отражено в возможности операционализации дискурса. Более того, сам процесс принятия и внедрения дискурса может принимать семиотические формы. Так, дискурс современного менеджмента (например, дискурс «нового государственного управления»), затрагивающий такие сферы общественной жизни, как образова-

ние и здравоохранение) может быть принят в качестве процедуры управления, включающей новые способы взаимодействия между управляющими и служащими, или он может быть внедрен как способ идентификации, который на семиотическом уровне содержит новые стили управления [Fairclough, 2013, p. 184–185]. У постструктурализма культуральная политэкономия наследует представления об иерархичности дискурсивной структуры. Этот подход исследует конститутивную роль семиозиса для функционирования политических и экономических институтов и общества в целом [Sum, 2009, p. 184–185].

Культурологический подход представляет собой попытку разработать новую методологию анализа дискурсов, которая учитывала бы их культурные и исторические особенности. Основателем и самым ярким представителем этого подхода является профессор Чжецзянского университета Ши Сю. Он обосновывает необходимость создания нового направления тем, что философская традиция западных стран накладывает значительные ограничения на форму и содержание дискурса, которые не принимаются во внимание уже существующими подходами [Shi-xu, 2012b, p. 93–97]. Стоит отметить, что несмотря на многочисленные отсылки к конфуцианским традициям само название подхода автор заимствует из книги Р. Водак и М. Майера «Методы критического изучения дискурсов» («Methods of critical discourse studies» [Methods of critical discourse studies, 2015]), а затем трактует его как культурологические исследования дискурсов (cultural discourse studies). Более того, сам исторический поворот и внимание к культурному контексту в значительной степени пересекаются с дискурсивно-историческим подходом Р. Водак. Методологическую базу Ши Сю перенимает из науки о коммуникации. Из этнографии речи Ши Сю берет положение Д. Хаймса о «коммуникативной компетенции», т.е. умении использовать язык в социальном контексте. Интерес к культурному аспекту в дискурсе почерпнут из работ представителей критической межкультурной коммуникации, в первую очередь Т. Накаяма и Р. Халуалани [Nakayama, Halualani, 2010]. «Критический поворот» в рамках этого направления значительно отличается от взгляда КДА. Целью исследователя становится необходимость понять, как властные отношения возникают в историческом контексте внутри институтов, политических сил и социальных норм, которые часто являются незаметными, и как они ограничивают

межкультурную коммуникацию [Collier, 2001, p. 1–2]. По мнению Дж. Мартина и Т. Накаямы, критическая перспектива позволяет анализировать влияние культуры в макроконтексте (историческом, социальном, политическом). Другими словами, культуру формируют исторические и политические реалии, и ее теоретизирование происходит через властные отношения [Martine, Nakayama, 2000, p. 8].

Методы дескриптивного дискурс-анализа различаются по своим теоретическим основаниям. Первая группа методов опирается на структурную, порождающую, функциональную, социальную лингвистику, фонологию и морфологию и относится к качественным исследованиям, например анализ политической метафоры [Будаев, Чудинов, 2006; Anderson, 2001]. Вторая группа опирается на достижения математики и информатики и связана с необходимостью обработки большого количества текста механизированным способом (например, контент-анализ). Однако это разделение носит условный характер. По мнению Т. ван Дейка, все дескриптивные методы имеют три общих свойства. Во-первых, их объединяет первичный интерес к содержанию дискурса. Во-вторых, они имеют инструментальный характер. Одной из целей анализа является получение данных об особенностях восприятия социальной реальности или каких-то социальных фактах. В-третьих, они позволяют сделать анализ более формальным, структурированным и наглядным [Dijk, 1985, p. 10].

Что понимается под *дискурсом*?

В разных подходах используются разные определения дискурса. В ПДА социальные практики рассматриваются как часть дискурса, в то время как другие подходы рассматривают дискурс и социальные практики как равноправные элементы политического процесса и фокус анализа направлен на изучение диалектических отношений между ними. Постструктуралисты расширяют понятие дискурса до «всеобъемлющей социальной категории». Он трактуется как способ артикуляции социальных практик, которые конструируют и воспроизводят значения и смыслы. Современные сторонники ПДА, к которым в первую очередь относятся Д. Ховарт, С. Григгс, Г. Готтвейс и Ф. Фишер, считают, что в дискурсе про-

исходит слияние языка, действий и объектов, все они становятся его неразрывной частью.

В своих публикациях Д. Ховарт выделяет четыре основные черты дискурса. Первая из них представляет собой артикуляторную практику, которая и организует общественные отношения, и сама является их частью.

Вторая особенность дискурса состоит в его членении на смысловые элементы, каждый из которых приобретает смысл только внутри дискурсивной структуры [Howarth, 2009, p. 309–312]. Тут используется положение Ф. де Соссюра о том, что языковой знак имеет две стороны. Это означающее (*significant*), акустический «облик» слова, его звуковая составляющая или иной носитель, например знаки письменности, а также означаемое (*signifie*), смысловой компонент слова. Отношения знаков создают систему значимостей (*valeurs*), где различие внешних оболочек обозначающего с помощью дифференциальных признаков соответствует различению означаемого [Saussure, 2011]. Д. Ховарат механически навязывает такую игру различительных признаков дискурсам. Они сводятся к системе означающих, не имеющих реального значения, в которой идентичность каждого элемента зависит от его отличия от других [Howarth, 2009, p. 311].

Третья особенность дискурса состоит в реляционном и формальном характере языка, распространенном на все означающие и осмысленные структуры и практики. Это не значит, что все представляет собой язык, однако все релевантные и артикуляторные комплексы могут быть представлены с помощью языковых характеристик. Такие институты, как государство или рынок, можно представить как системы, так или иначе отраженные в дискурсе, т.е. частично фиксированные системы правил, нормы, ресурсы, методы и субъекты, которые связаны друг с другом определенным образом.

Четвертой особенностью вслед за Ж. Деррида Д. Ховарт считает принципиальную зависимость дискурса от других элементов и смысловую неразрешимость (*structural undecidability*). На основе этого он выделяет два ключевых аспекта в теории дискурса: *дискурсивное* и *дискурс*. *Дискурсивное* представляет собой онтологическую категорию, т.е. ясные, четкие предпосылки для нашего понимания конкретных объектов и социальных отношений, в результате чего каждый предмет или любой символический порядок приобретает смысл, т.е. находится в области существенных разли-

чий и сходств. Но в равной степени этот подход вслед за теориями М. Хайдеггера и Ж. Деррида подразумевает, что знаки как элементы языка являются неполными и, таким образом, становятся принципиально зависимыми от других знаков и социальных и политических условий, в которых они используются.

Концепция *дискурса*, напротив, относится к конкретным системам осмысленных или артикуляционных практик. В этом смысле тэтчеризм в Великобритании или разные формы апартеида в ЮАР являются дискурсами. Это конечные и завершенные конструкции, представляющие собой элементы политической системы и предназначенные для создания социальных антагонизмов и политических границ. Таким образом, дискурс всегда включает в себя различные формы осуществления власти и дискриминации. Это означает, что каждая дискурсивная структура неравномерна и построена по принципу иерархии [Howarth, 2009, p. 309–335].

Критический дискурс-анализ, дискурсивно-исторический подход и культуральная политэкономия рассматривают дискурс как устный и письменный текст в его взаимодействии с контекстом. В представлении Н. Фэркло понятие дискурса тройко. Во-первых, он служит способом придания смысла любым элементам социального процесса. Во-вторых, под ним понимают язык, связанный с конкретной сферой или практикой (например, «политический дискурс»). В-третьих, с помощью дискурса происходит толкование аспектов существующей реальности, связанных с определенной точкой зрения (например, «неолиберальный дискурс глобализации»). Для первого, наиболее общего и абстрактного понимания Н. Фэркло использует понятие *семиозис*. Это позволяет сказать, что дискурс-анализ имеет дело с различными *семиотическими моделями* (визуальными имиджами, языком тела и т.д.). *Семиозис* рассматривается как элемент социального процесса (форма социальной практики), диалектически связанный с другими, усваивающими его, но не сводящимися к нему [Fairclough, 2013; *Methods of critical discourse analysis*, 2001, p. 63–67].

Социальный процесс в рамках этого подхода представляет собой взаимодействие трех уровней социальной реальности: структуры, практики и событий. В фокус анализа попадают диалектические отношения между структурами и событиями, а также между семиотическими и другими элементами. Семиозис соотносится с другими элементами дискурса тремя способами: аспекты

действий, трактовка (представление) внешнего мира и утверждение идентичности. Им соответствуют три знаковые (дискурсивно-аналитические) категории: *жанр, дискурс и стиль* [Fairclough, 2013, p. 177–197].

Дискурс, происходящий в определенной социальной сфере, обладает двумя важными свойствами. Во-первых, он может быть *реконтекстуализирован* в другой сфере; так нелиберальный экономический дискурс, изначально возникший в академической и бизнес-среде, переместился в сферу политики и образования. Это явление носит амбивалентный характер: оно может рассматриваться и как «подчинение» одной из сфер, и как «присвоение» «чужого» дискурса за счет превращения его в один из принципов деятельности. Во-вторых, в определенных условиях дискурс может быть *операционализирован*, «введен в действие». Он может быть принят в качестве нового способа интеракции или идентификации, а может быть материализован для изменения организации пространства [Fairclough, 2013, p. 180].

Фокус внимания в КДА сконцентрирован на анализе диалектических отношений между семиотическими (или лингвистическими элементами, например текст или язык сам по себе) и внесемиотическими (контекст, прагматическая перспектива и т.д.) аспектами дискурса. Другими словами, цель КДА заключается в изучении способов использования языка в социальном контексте [Fairclough, 2013; Wodak, 2001, p. 67–72].

Культуральная политэкономия опирается на Н. Фэркло и определяет дискурс как способ придания смысла социальной реальности. Как и сторонники КДА, Б. Джессоп утверждает, что дискурс находится в диалектических отношениях с другими элементами (агентами, технологиями и структуриацией), однако для представителей критического анализа перечисленные Б. Джессопом элементы социальной реальности носят частично семиотический характер, в то время как в культуральной политэкономии они являются полностью внесемиотическими и равными семиозису [Fairclough, 2013, p. 195].

В рамках культурологического подхода *дискурс* определяется как помещенный в определенный контекст коммуникативный акт, в процессе которого люди осуществляют интеракцию с помощью символов, в первую очередь лингвистических, используемых в соответствии с историческим и культурным контекстами. Дискурс становится синонимом коммуникации. Предложенная модель дис-

курса во многом напоминает линейную модель коммуникации и включает в себя: а) коммуникаторов; б) форму и содержание коммуникации (вербальные и невербальные действия акторов, устный и письменный текст и т.д.); в) каналы коммуникации (язык, каналы передачи информации, время, обстановку и т.д.); г) цели и последствия, д) исторический контекст; е) (меж)культурную коммуникацию или (меж)культурный контекст (нормы и модели поведения, а также социальные отношения, влияющие на процесс коммуникации) [Shi-xu, 2015]¹.

Для дескриптивного подхода *дискурс* – это форма языка, устный или письменный текст. Исследователя интересуют лингвистические особенности, языковые и грамматические конструкции, стиль, жанр, причины выбора тех или иных языковых средств. Так как фокус анализа направлен на сам текст, методы, связанные со структурным описанием дискурса, не учитывают его связь с контекстом [Dijk, 1985, p. 1–11].

Методология анализа

ПДА, КДА и культуральная политэкономия являются проблемно-ориентированными подходами. ПДА и КДА основываются на *проблематизации*, при этом ПДА и культуральная политэкономия полностью исключают из сферы анализа отношения между проблемой и решением, являющиеся центральными с точки зрения КДА. Оба подхода в общих чертах осознают наличие данного вопроса (например, «воображаемые» модели Б. Джессопа ассоциируются с конкретными кризисными ситуациями, проблематизация всегда ведет к принятию определенных решений), но сами отношения между проблемой и решением не являются предметом исследования [Fairclough, 2013, p. 177–197].

---

¹ В статье «В культурном диалоге с КДА» Ши Сю сам указывает на сходство его модели дискурса с классической линейной моделью коммуникации Г. Лассуэла. Автор выделяет три отличия его определения дискурса. Во-первых, он объединяет отправителя и получателя информации, так как классический вопрос «Кто?» не учитывает их взаимосвязь. Во-вторых, вопрос «Что (было сказано)?» не раскрывает того, как это было сказано. В-третьих, Ши Сю добавляет два дополнительных элемента: культурный и исторический контексты, которых нет в классической модели [Shi-xu, 2014, p. 363].

Термин *проблематизация* был введен Пауло Фрейрой, который определял ее как «стратегии развития критического сознания». Для М. Фуко и постструктуралистов *проблематизация* – это практика мышления, однако постановка проблем происходит не только в нашем сознании, но и в повседневной практике. На основе представлений М. Фуко о проблематизации С. Баччи сформировал подход к политическому анализу: «Что является проблемой?». Все политические инициативы представляют собой набор нормативных текстов, в которых излагаются варианты решения конкретной проблемы или проблем. Этот подход основывается на предположении: если мы говорим, что хотим что-то изменить, значит, мы считаем, что это «что-то» нуждается в изменении, а следовательно, представляется нам в качестве проблемы [Vaschi, 2012, p. 1–8].

Опираясь на критическую теорию Ю. Хабермаса, сторонники ПДА утверждают, что критическое объяснение призвано сделать явление более понятным с помощью интерпретации проблемы в процессе анализа. Для этого на стадии рассмотрения явления необходимо выдвинуть гипотезу, жизнеспособность которой будет проверяться с помощью эмпирических данных до тех пор, пока она не будет отражать реальные свойства объекта исследования [Howarth, Griggs, 2011, p. 222]. Д. Ховарт и С. Григгс сформулировали «первую аналитическую задачу» как проблематизирование различных проблематизаций проблемы на стадии рассмотрения, что позволит поставить перспективный исследовательский вопрос. Критика находит действительно существующую проблему в каком-то вопросе посредством оценки существующих проблематизаций и объяснения, почему различные политические акторы проблематизируют этот вопрос именно так. Это наводит на мысль о том, что критика является аналогом практического взаимодействия с проблемами в социальной жизни, – это также представляет собой способ постановки проблемы, хотя и является «проблематизацией проблематизаций» на стадии разработки [Howarth, Griggs, 2012, p. 305–342]. С точки зрения критицизма проблематизация связывает негативную критику с позитивной: рассматривая причину возникающих затруднений как проблему и объясняя эти сложности влиянием проблемы, можно понять, что должно быть изменено и что нуждается в решении. Проблема – это одновременно и то,

что объясняет возникновение затруднений, и то, что нуждается в решении [Howarth, Griggs, 2001, p. 305–342].

ПДА настаивает на аргументативном повороте в политическом анализе. Ссылаясь на теорию совещательной демократии Ю. Хабермаса, постструктуралисты рассматривают политику как дискурсивную борьбу за право определения того, что является проблемой, и формирования рамок ее интерпретации и восприятия обществом. Основной единицей анализа в этом подходе становятся аргументы, возникшие в процессе обсуждения. Задача исследователя – установить связь между эмпирическими данными, нормативными положениями, структурирующими социальную реальность, интерпретацией, контекстом и полученными выводами [Fischer, Gottweis, 2011, p. 429–430]. Фактически современные постструктуралисты объединяют дискурс-анализ и анализ политики в целом. Они рассматривают политический дискурс только в контексте совещательной демократии. Н. Фэркло отмечает, что такой подход к «аргументативному повороту» превращает любой политический дискурс в признак демократизации, что не соответствует действительности [Fairclough, 2013].

По мнению Н. Фэркло, КДА и культуральная политэкономия стремятся к критическому реализму, придерживающемуся совсем иной точки зрения на *проблематизацию*, нежели постструктуралисты, основывающиеся на «умеренном конструктивизме». Н. Фэркло в своем определении *проблематизации* ссылается на М. Фуко: принимая во внимание тот факт, что проблемы являются результатом проблематизации в нашем сознании и не определяются ситуацией или контекстом, проблематизация – это применение мыслительных операций по отношению к «трудностям», которые определяются ситуацией или контекстом (и существуют независимо от того, думаем ли мы о них). Несмотря на то что проблемы создаются в голове, «трудности», которые они проблематизируют, возникают в результате материальных, физических процессов [Fairclough, 2013, p. 177–197]. Таким образом, для реалистов источником проблемы является реальность, а для конструктивистов – ментальный процесс проблематизации.

КДА, в отличие от ПДА, проводит критический анализ не самой проблематизации как таковой, а целенаправленной деятельности акторов, частью которой она и является. Другими словами, КДА проводит критический анализ практической аргументации:

высказываний за или против конкретных действий на основе определенной проблематизации существующего положения дел (в том числе точных целей и ценностей). Это не критический анализ (проблематизация) проблематизации сам по себе, а целенаправленная деятельность, в ходе которой и для которой происходит проблематизация, являющаяся еще и ее частью. Стоит отметить, что практическая аргументация, представленная Н. Фэркло и И. Фэркло, содержит нормативную оценку аргументации со стороны тех, кто в ней участвует, и тех, кто осуществляет критический анализ, который представляет собой набор критических вопросов, направленных на все элементы практической аргументации (их положение в тексте, выводы, к которым они приводят, и отношения между ними). Вариант КДА, представленный Н. Фэркло, изучает аргументацию уже совершенных действий. Ее анализ начинается с описания контекста действия и цели, поставленной в соответствии с ценностями. Текст показывает, в какой форме обсуждалась проблема, какие выдвигались доводы, как происходила оценка вариантов и как участники пришли к выбранной стратегии действий. В этом отношении аргументация, представленная в качестве монолога, равнозначна той, которая выдвигается в дискуссии с другими участниками. Критика может рассматриваться в качестве механизма, поддерживающего действия, направленные на преобразование любой части общественной жизни в определенном русле на основе причин, вытекающих из описания, оценки и объяснения этой части социальной реальности [Fairclough, Fairclough, 2012].

Хотя основное внимание в КДА также направлено на определение предмета исследования, он больше других подходов ориентирован на разработку универсальной методологии анализа. Среди его сторонников еще не сформировался единый взгляд на методологию, однако стоит отметить последовательные попытки адаптации лингвистических методов, в частности функциональную лингвистику М. Халлидея и Дж. Мартина для политического анализа [Martinez, 2007, p. 125–140]. Н. Фэркло настаивает на том, что КДА является не столько самостоятельным аналитическим направлением, сколько методологией анализа, поэтому может быть использован как аналитический инструмент в рамках других подходов [Fairclough, 2013].

Культуральная политэкономия, как и ПДА, занимается не установлением связи между проблемой и решением, а выделением

проблем из комплексной социальной реальности, при этом, в отличие от сторонников основных подходов к анализу дискурсов, сторонники этого подхода идут по пути не усложнения (проблематизации существующих проблематизаций), а упрощения существующей действительности. Б. Джессоп считает, что структурирование мира слишком сложно для ее восприятия политическими акторами и рядовыми гражданами, поэтому им необходимы инструменты понижения сложности и структурирования существующей реальности, к которым относятся семиозис, действенность, технологии, включающие в себя различные социальные практики, опосредованные с помощью конкретных инструментов (классификация, регистрация, учет и т.д.), которые могут направлять социальное действие и структурирование [Jessop, 2009, p. 336–356].

В рамках культуральной политэкономии внимание исследователя концентрируется на «умозрительных моделях» (вероятные модели развития экономики и политики). Б. Джессоп отмечает, что из всех возникающих, словесно оформленных, конкурентоспособных «воображаемых» вариантов под влиянием различных факторов (интересы субъектов, особенности организаций и институтов, динамика экономики в целом) выбираются и реализуются лишь некоторые. Таким образом, «воображаемое» относится не только к семиотике как способу придания смысла окружающему миру, оно участвует в создании самого мира [Jessop, 2009, p. 336–356].

Культурологический подход к анализу дискурсов отрицает возможность наличия универсальной методологии, так как каждый политический дискурс имеет собственную культурную, историческую и лингвистическую традиции [Shi-xu, 2014, p. 2–10]. Наряду с дискурсом вторым ключевым понятием в этом подходе становится *культура*. Под *культурой* Ши Сю понимает набор концепций, символов, ценностей, идентичностей, представлений, правил и моделей поведения. Она создается, поддерживается, оспаривается, трансформируется посредством человеческой коммуникации и через предметы материальной культуры [Shi-xu, 2015, p. 8]. В названии подхода автор стремится подчеркнуть важность анализа культурного контекста при исследовании дискурса. Он отмечает, что дискурсы дифференцированы на уровне культур и могут как взаимопроникать друг в друга, так и конкурировать.

В подходе содержится большое количество внутренних противоречий. Во-первых, он не учитывает связь дискурса с литера-

турной традицией, в то время как в рамках КДА исследование начинается с определения жанра, дискурса и стиля. Это три основных способа, с помощью которых семиозис соотносится с другими элементами социальной практики [Fairclough, 2013, p. 179–180].

Во-вторых, Ши Сю выделяет три уровня культурного контекста, влияющего на дискурс: локальный, региональный и глобальный, однако остается открытым вопрос об определении границ культур и контекстов. С точки зрения представителей подхода, культурные границы не совпадают с границами государств и наций, не соответствуют гендерному и профессиональному делению. В то же время, наличие глобального культурного контекста означает и наличие глобальной культуры, однако в своих работах Ши Сю последовательно отрицает возможность существования единой культуры.

В-третьих, отрицается и такое свойство дискурса, как реконтекстуализация, хотя автор признает возможность дискурсов влиять друг на друга. В статье «Зачем нужен культурный подход к анализу дискурсов? О культурном сознании и критическом подходе к человеческому дискурсу» автор отмечает, что дискурс о правах человека в Китае является самодостаточным, уникальным явлением и находится в дихотомических отношениях с аналогичным американским и западноевропейским дискурсом [Shi-xu, 2012 b, p. 494–497]. Такой подход полностью изменяет значение категории «права человека».

Неоднозначна и методологическая составляющая подхода. Его представители настаивают на невозможности разработки универсальной методологии, так как она не будет учитывать культурные и исторические особенности дискурса. Ши Сю подвергает резкой критике универсализм КДА, который не учитывает особенности «дискурсов стран третьего мира» и насаждает гегемонию западноевропейской науки. Он утверждает необходимость изучения не только самого речевого акта, но и того, что не было сказано (сделано), как это было сказано или сделано и к каким последствиям привело. Это связано с дискурсивной традицией стран Азии, которая описывается конфуцианской формулой *юанбуцзин и* (язык не может выразить всей сути вещей). Выбор метода зависит от характера дискурса и конкретной исследовательской цели. Фактически нельзя говорить о культурологическом подходе как едином целом, поэтому Ши Сю называет его *studies*, т.е. исследования, объединяющие в себе подходы к анализу дискурсов разных стран; сам

Ши Сю занимается разработкой методологии анализа китайского политического дискурса. Анализ направлен не на изучение отношений между проблемой и решением или между семиотическими и внесемиотическими элементами, а на исследование определенной категории дискурса с помощью описания, объяснения, интерпретации и оценки дискурсивного акта.

Этот пункт сближает культурологический подход с ПДА. Во-первых, большую роль в анализе играет исследователь, который самостоятельно определяет цели, задачи и создает собственные методы. Во-вторых, знак (текст) обретает свое значение только в контексте (историческом и культурном). В качестве форм дискурса предстают вербальные и невербальные действия акторов в контексте социальных отношений.

В дескриптивном подходе речь идет в первую очередь о форме использования языка, поэтому здесь преобладают лингвистические методы интерпретации текстов. Методы морфологического (структурного) описания позволяют изучить дискурс на нескольких уровнях с точки зрения различных лингвистических единиц, паттернов и отношений между ними. Функциональный анализ дискурса исследует его взаимоотношения с когнитивным, социальным и культурным контекстами. Герменевтика подчеркивает роль субъекта в интерпретации и включает в процесс анализа личный опыт и чувства исследователя. «Идеологический анализ» берет свое начало в теории марксизма и рассматривает дискурс как выражение классовых конфликтов, эксплуатации или властных отношений в обществе, т.е. дискурс интерпретируется как показатель интересов политических акторов. С одной стороны, он подчеркивает субъективный характер анализа дискурса, а с другой – объективный характер социальной реальности, в которой этот дискурс возникает. Социолингвистика исследует отношения между текстом и контекстом [Dijk, 1985, p. 1–11].

Политическая метафорология изучает, как, с одной стороны, возникновение метафор обусловлено подсознанием участников дискурса и опытом непосредственного взаимодействия человека с окружающей действительностью, с другой – как они воздействуют на сознание, побуждают к действиям и позволяют сконструировать новую реальность. В рамках этого направления метафора определяется как способ мышления, отражающий действительность через понятия и фреймы, относящиеся к другой области. На лин-

гвистическом уровне происходит лишь языковое оформление ментальных процессов [Lakoff, Johnson, 2003]. Согласно когнитивной теории лингвистики, метафоризация связана с процессом взаимодействия двух когнитивных доменов – сферы-источника и сферы-мишени: «В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Будаев, Чудинов, 2007, с. 23]. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что любое высказывание, любой аргумент, особенно политический, как и язык в целом, метафорически структурированы. При этом метафоры всегда культурно детерминированы, поэтому одна и та же метафора может иметь разное значение в разных культурах [Lakoff, Johnson, 2003].

Количественные исследования в дескриптивном подходе представлены методом контент-анализа. Он исследует, как изменяются на протяжении времени категории качественного анализа (слова, предложения, стилистические фигуры), а также существование взаимозависимости между ними и другими элементами дискурса через количественные методы, что позволяет обработать большие объемы текста [Johnston, 2002, p. 69]. Б. Берельсон определяет его как методику исследования, позволяющую дать объективное, систематическое, количественное описание контента коммуникации, например появление конкретного слова в письменном тексте [Berelson, 1952, p. 18]. Для того чтобы выявить латентное содержание текста, исследователь использует методику кодирования. Код – это символ, позволяющий разбить слова на категории и провести их классификацию. Внутри самого контент-анализа существует множество методик, различающихся по типам кодирования и целям исследования [Семенова, Корсуновская, 2010]. Контент-анализ используется для исследования сообщений СМИ, газетных заголовков и выступлений политиков, интернет-контента и сближает дискурс-анализ и науку о коммуникации [Семенова, Корсуновская, 2010; Small, 2011].

К дескриптивным методам обращаются все остальные подходы. Н. Фэркло признает наличие интерпретационных целей дискурс-анализа. Более того, он выделяет два направления критики: нормативную и эксплицитную, или объяснительную. Задача пер-

вой – оценить, насколько существующая реальность соответствует политическому идеалу, принятому в обществе. Второй вид критики стремится не просто описать и оценить существующую реальность, но и объяснить, как те или иные структуры и механизмы, исследуемые в процессе анализа, влияют на политические процессы [Fairclough, 2013]. При этом КДА и культуральная политэкономия пользуются методологией идеологического анализа. Все три направления опираются на теорию марксизма и рассматривают дискурс (язык, текст, семиозис) как способ установления и смены режимов. Б. Джессоп использует термин *критика господства (Herrschaftskritik)* для объяснения социального и политического доминирования через семиотические и внесемиотические механизмы, которые ведут к выбору определенного варианта из целого спектра возможностей [Jessop, 2009]. Д. Ховарта и С. Григгса, как и других современных последователей ПДА, с дескриптивным анализом сближает стремление проанализировать политический дискурс и политическую аргументацию в русле делиберативной демократии. Они видят задачу критического анализа политики в оценке степени включенности акторов в политический процесс и в изучении антагонистических форм политического участия и неучастия, поэтому стремятся объяснить дискурс в политической логике [Howarth, Griggs, 2012]. Культурологический подход в большей степени стремится к дескриптивному подходу, так как зачастую пытается не проанализировать дискурс, а объяснить его особенности культурным и историческим контекстами. Одной из задач исследователя становится описание и объяснение дискурса в парадигме культуры конкретного общества [Shi-xu, 2012, p. 493]. Под культурой в данном случае Ши Сю понимает официальную идеологию [Wang, 2016, 451], при анализе дискурса прав человека в Китае он интерпретирует категорию *прав человека* в русле господствующей в правящих кругах парадигмы.

Заключение

Постструктуралистский дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, культуральная политэкономия и культурологический подход представляют четыре разных подхода к анализу дискурсов. Наиболее теоретически и методологически обоснованны ПДА и КДА. Культу-

ральная политэкономия является скорее ответвлением КДА. Несмотря на существующие методологические различия, она во многом повторяет основные положения критического дискурс-анализа, например определение дискурса и единицы анализа.

Самые большие различия существуют между ПДА и тремя другими, они связаны с теоретической составляющей. Постструктуралисты считают, что все социальные объекты и практики одновременно являются дискурсивными объектами и практиками, и их значение зависит от их взаимодействия внутри социальной системы правил и противоречий. КДА и культуральная политэкономия, в отличие от ПДА, определяют дискурс как семиотический элемент, связанный с социальными практиками. Другими словами, для ПДА дискурс – это всеобъемлющая категория, включающая в себя социальные практики, для КДА дискурс – это составляющая социальной практики.

Являясь сторонниками идеи совещательной демократии Ю. Хабермаса, в качестве объекта анализа постструктуралисты рассматривают аргументацию, которая возникает в процессе обсуждения существующих противоречий политическими акторами. Исследователь доверяет проблематизацию социальной реальности участникам политического процесса: то, что сами акторы рассматривают как проблему, и является настоящей проблемой, которую они пытаются решить в процессе обсуждения. Анализ дискурса призван выявить причины и последствия того или иного варианта интерпретации существующей проблемы. При этом взаимодействие между политическими акторами всегда связано с борьбой за установление гегемонии.

КДА также предлагает в качестве единицы анализа рассматривать практическую аргументацию, которая возникает в процессе обсуждения проблем. Исследователь самостоятельно производит проблематизацию и разграничение между проблемой и следствием (проблематизация, производимая политическими акторами, может быть не причиной дискуссии, а следствием существующего неразрешенного противоречия). Критика рассматривается как способ преобразования социальной реальности. При этом фокус анализа направлен на исследование диалектических отношений между семиотическими и внесемиотическими элементами дискурса (контекстом). КДА настаивает на универсальности своей методологии и возможности ее применения в рамках других подходов.

Культуральная политэкономия берет свое начало в КДА и относится к критическому реализму. Однако они по-разному оценивают взаимосвязь между семиотическими элементами дискурса и существующей социальной реальностью. Б. Джессоп считает, что семиозис используется социальными акторами для понижения сложности структуриации, в то время как, с точки зрения Н. Фэркло, структурирование социального взаимодействия имеет семиотическую составляющую.

Культурологический подход значительно отличается от остальных слабой теоретической обоснованностью и отсутствием четко разработанной методологии. Он представляет собой скорее вариант «мягкой силы» Китая, чем научно обоснованную теорию, и уделяет больше внимания агрессивной критике КДА, а не разработке собственной методологии. Культурологический подход отражает в себе официальную идеологию КПК: утверждение уникальности Китая, попытки внести вклад в мировое развитие и поиск идентичности. Само понятие дискурса фактически сводится к коммуникации. Ши Сю настаивает на необходимости создания нового подхода в дискурс-анализе, который позволял бы учитывать культурные и исторические различия, при этом не давая четкого определения того, как следует проводить культурные границы между дискурсами. Он активно противопоставляет новое направление западноевропейской науке и универсальным методам КДА и при этом опирается на достижения этой науки, в частности науки о коммуникации и КДА. Утверждение о том, что существующие методы не учитывают культурный и исторический контексты, является необоснованным. В понимании ПДА культурная, историческая и идеологическая составляющие влияют на способы интерпретации проблематизаций. В КДА культура входит в понятие контекста. Р. Водак отмечает, что любой социальный процесс динамичен, поэтому анализ дискурса невозможен без применения исторической перспективы [Wodak, 2011, p. 4]. Для проведения анализа необходимо привлечение большого количества знаний об исторических условиях, социально-политическом контексте, изменении дискурсивных практик и социальных теорий. Вариант КДА Р. Водак позволяет изучать дискурс в рамках культурного и исторического контекста, не изолируя его от других дискурсов [Wodak, 2001, p. 74].

Ши Сю не уделяет значительного внимания разработке методологии подхода, отстаивая идею невозможности создания уни-

версальных методов из-за культурных различий между дискурсами. С одной стороны, в качестве одного из исследовательских вопросов он ставит задачу проанализировать, как взаимодействуют различные дискурсы, с другой – отрицает свойство реконтекстуализации. Предложенные им методы либо совпадают с уже существующими, либо позволяют не проанализировать дискурс, а интерпретировать его в рамках господствующей идеологии и официально принятых культурных норм. В то же время в рамках КДА и культуральной политэкономии существует ряд исследователей, успешно занимающихся анализом политического дискурса Китая с учетом культурного и исторического контекстов, – можно назвать работы Ч. Цао, Н. Ренвика, Р. Маринелли, Н. Сам, Т. Хаилонга [Cao, Renwick, 1999; Cao, 2011; Marinelli, 2013; Sum, 2008; Hailong, 2015].

Список литературы

- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – № 21. – С. 22–31.
- Ильин М.В.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2002. – № 3. – С. 4–20.
- Кравченко С.А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности, инструментарий) // Социологические исследования. – М., 2010. – № 5. – С. 13–22.
- Семенова А.В., Корсунская М.В.* Контент-анализ СМИ: Проблемы и опыт применения – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. – 324 с.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 2. – С. 8–25.
- Vacchi C.* Why study problematizations? Making politics visible // Open journal of political science. – Irvine, CA, 2012. –Vol. 2, N 1. – P. 1–8.
- Berelson B.* Content analysis in communication research. – N.Y.: The Free Press – 1952. – p. 220.
- Cao Q.* The language of soft power: Mediating socio-political meanings in the Chinese media // Critical arts: South-north cultural and media studies. – L., 2011. – Vol. 25, N 1. – P. 7–24.
- Cao Q., Renwick N.* China's political discourse towards the 21 st century victimhood, identity, and political power // East Asia: An international quarterly. – Dordrecht, 1999. – Vol. 17, N 4. – P. 111–143.
- Chilton P.* Language, cognition, and space: the state of the art and new directions. – L.: Equinox – 519 p.
- Collier M.J.* Transforming communication about culture: Critical new directions. – Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2001. – 320 p.

- Dijk T. van.* Discourse as structure and process. – L.: Sage, 1997. – 356 p.
- Fairclough I., Fairclough N.* Political discourse analysis: A method for advanced students. – L.: Routledge, 2012. – 270 p.
- Fairclough N.* Critical discourse analysis and critical policy studies // Critical policy studies. – Vancouver, 2013. – Vol. 7, N 2. – P. 177–197.
- Fischer F.* Deliberative policy analysis as practical reason: integrating empirical and normative arguments // Handbook of public policy analysis / F. Fischer, G.J. Miller, M.S. Sidney (eds). – L.; N.Y.: CRC Press, 2007. – P. 223–236.
- Fischer F., Forester J.* The argumentative turn in policy analysis and planning. – Durham: Duke univ. press, 1993. – 352 p.
- Fischer F., Gottweis H.* The argumentative turn in public policy revisited: Twenty years later // Critical policy studies. – Vancouver, 2013. – Vol. 7, N 4. – P. 425–433.
- Gottweis H.* Theoretical strategies of poststructuralist policy analysis: Towards an analytic of government // Deliberative policy analysis. Understanding governance in the network society / M.Hajer, H. Wagenaar – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – P. 247–249.
- Hailong T.* Discourse and public sphere in China: A study of the Wu Ying lawsuit case // Contemporary Chinese discourse and social practice in China / L. Tsung, W. Wang (eds). – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – P. 27–44.
- Howarth D.* Power, discourse, and policy: Articulating a hegemony approach to critical policy studies // Critical policy studies. – Vancouver, 2010. – Vol. 3, N 3–4. – P. 309–335.
- Howarth D. and Griggs S.* Poststructuralist policy analysis: Discourse, hegemony and critical explanation // The argumentative turn revisited: public policy as communicative practice / F. Fischer, H. Gottweis (eds). – Durham; L.: Duke univ. press, 2012. – P. 305–342.
- Jessop B.* Critical semiotic analysis and cultural political economy // Critical discourse studies. – Abingdon, Oxfordshire, 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 159–174.
- Jessop B.* Cultural political economy and critical policy studies // Critical policy studies. – Vancouver, 2009. – Vol. 3–4, N 3. – P. 336–356.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – L.: Verso, 2001. – 197 p.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – L.: Univ. of Chicago press, 2003. – 256 p.
- Lakoff R.T.* The nine ways of looking at apologies: The necessity for interdisciplinary theory and method in discourse analysis // The handbook of discourse analysis / D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds). – Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2001. – P. 199–215.
- Marinelli M.* Jiang Zemin's discourse on intellectuals: The political use of formalised language and the conundrum of stability // Journal of current Chinese affairs. – Hamburg, 2013 – Vol. 42, N 2. – P. 111–140.
- Martin J., Nakayama T.K.* Intercultural communication in contexts. – Mountain View, Calif.: Mayfield Pub. Co., 2000. – 364 p.

- Martinez D.F.* From theory to method: A methodological approach within critical discourse analysis // *Critical discourse studies*. – Abingdon, Oxfordshire, 2007. – Vol. 2, N 4. – P. 125–140.
- Nakayama T. K., Halualani R.T.* The Handbook of critical intercultural communication. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. – 648 p.
- Potter J.* Re-reading discourse and social psychology: Transforming social psychology // *British journal of social psychology*. – Leicester, 2012. – N 51. – P. 436–455.
- Sayer A.* Realism and social science. – L.: Sage, 2000. – 211 p.
- Saussure F., de.* Course in general linguistics. – N.Y.: Columbia univ. press, 2011. – 336 p.
- Shi-xu. Reconstructing eastern paradigms of discourse studies // *Journal of multicultural discourses*. – Clevedon, UK, 2009. – Vol. 4, N 1. – P. 29–48.
- Shi-xu. Understanding contemporary Chinese political communication: A historic-intercultural analysis and assessment of its discourse of human rights // *Journal of language and politics*. – Amsterdam, 2012 a. – Vol. 11, N 1. – P. 93–114.
- Shi-xu. Why do cultural discourse studies? Towards a culturally conscious and critical approach to human discourses // *Critical arts: A south-north journal of culture and media studies*. – L., 2012 b. – Vol. 26, N 4. – P. 484–503.
- Shi-xu. Chinese Discourse Studies – New York: Palgrave Macmillan, 2014. – 223 p.
- Shi-xu. Cultural Discourse Studies // The international encyclopedia of languages and social interaction / K. Tracy (ed.). – 2015. – Mode of access: <http://www.shixu.com/shixu/admin/upload/ency%20CDS.pdf> (Дата посещения: 14.06.2016.)
- Small T.A.* What the hashtag? A content analysis of Canadian politics on Twitter // *Information, communication & society*. – L., 2011. – Vol. 14, N 6. – P. 872–895.
- Sum N.-L.* Stuggles against wal-martization and neo-liberal competitiveness in (southern) China: Is post-neoliberalism an alternative? // *Development dialogue*. – Uppsala, 2008. – N 51. – P. 67–81.
- Sum N.-L.* The production of hegemonic policy discourses: ‘competitiveness’ as a knowledge brand and its (re)contextualizations // *Critical policy studies*. – Vancouver, 2009. – Vol. 3, N 2. – P. 184–203.
- Wetherell M.* Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue // *Discourse and society*. – L., 1998. – N 9. – P. 387–412.
- Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds). – L.: Sage, 2001. – 200 p.
- Methods of critical discourse studies / R. Wodak, M. Meyer (eds). – L.; N.Y.: Sage, 2015. – 272 p.
- Wodak R.* Critical linguistics and critical discourse analysis // *Discursive pragmatics* / J. Zienkowski, J. Östman, J. Verschueren (eds). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2011. – P. 50–70.